

«НАРОДНАЯ ВОЙНА» 1812 ГОДА В ПОЭЗИИ Ф.ГЛИНКИ

В 2012 г. мы будем отмечать 200-летие одного из самых знаменательных событий русской истории – Отечественной войны 1812 года. Ему посвящали свои стихи многие русские поэты: Державин, Карамзин, Крылов, Жуковский, Батюшков, Пушкин, Языков, Тютчев, Лермонтов. Но особое место в том ряду принадлежит Федору Глинке.

Никто из писавших об Отечественной войне не знал и не ощущал ее так глубоко и разносторонне, как Глинка, который сам был ее участником и отразил ее события не только в стихах, но и в мемуарах. Никто так, как он, не ощущал эту войну как народную. Отсюда не только количество написанных им стихов и не только их жанровое многообразие. Ни один другой поэт так охотно и естественно не уступал свое лирическое «я» другим участникам войны, обычно выходцам из народных низов: простому солдату, «сторожевому воину» и даже «русской деве», тоскующей о возлюбленном «храбром воине». Ни у какого другого поэта так многогранно и плодотворно не разрабатывалась фольклорная традиция.

Именно глубокое понимание войны с Наполеоном как войны народной обусловило особое внимание поэта к изображению партизанского движения и его наиболее значительных деятелей. Здесь в первую очередь следует назвать два стихотворения, посвященные прославленным партизанам – «Партизан Сеславин» и «Партизан Давыдов». Они лишь в небольшой степени могут быть прокомментированы «Письмами русского офицера»: Сеславин упоминается там лишь однажды, в перечне «известнейших наездников» вместе с Давыдовым, Давыдов же фигурирует несколько раз, чаще как «партизан», но однажды и как поэт: «С нами стал вместе Денис Васильевич Давыдов и читал нам свои стихи. Приятные звуки лиры его заставили всех забыть усталость и шум сражений, пленяться ею» [1, с. 190-191]. Но именно стихи, посвященные Сеславиному и Давыдову, со всей несомненностью подтверждают, как много знал Глинка об этих людях, как они занимали его мысли и какие вызывали в нем чувства.

Сеславин, пишет Глинка, «в юности весь отдался наукам», «чтением он ум обогащая свой, / И душу приучал к волшебным славы звукам./ Но вдруг...» Для отпора завоевателям поднялся «весь народ / К оружию от сохи... И косы на защиту...» И сразу, без всякого перехода картина «пожара», охватившего всю страну, и энтузиазма, охватившего весь народ, – совершенно локальная картина и индивидуальный образ конкретного человека.

Кто там на дереве сидит
И пепельной золой покрыту,
Москву святую сторожит?

Кто так искусно нам дает правдивы вести?
 Он храбр и прям, как меч!
 Ни трусости, ни лести! [2, с. 133].

Упомянутая Глинкой деталь («на дереве сидит») позволяет с полной определенностью указать, какие именно «правдивы вести» имел в виду поэт. После того, как 7 октября наполеоновская армия покинула Москву, для Кутузова было очень важно знать, куда и когда будет отступать неприятель. Многие пытались это узнать, но только Сеславиному, который был, по образному выражению современника, «глазами и ушами» армии, удалось первому установить истину. Несмотря на расставленные у реки Нары неприятельские посты, Сеславин сумел перейти реку и подойти к Новой Калужской дороге. «Я стоял на дереве, - вспоминал он, – когда открыл движение французской армии, которая тянулась у ног моих, где находился сам Наполеон в карете. Несколько человек отделились от опушки леса и дороги, были захвачены и доставлены светлейшему в удостоверение в таком важном для России открытии, решающем судьбу Отечества, Европы и самого Наполеона...» [3, с. 437]. Когда смертельно усталый от продолжительной скачки, с блестящими от возбуждения глазами, Сеславин рассказывал об увиденном Дохтурову, тот ему не сразу поверил. Открытие предприимчивого партизана дало возможность Кутузову остановить врага у Малоярославца и вынудить его отступать по разоренной Смоленской дороге.

Реакция Кутузова на подвиг Сеславина известна нам по воспоминаниям Болговского: «... Вид его на тот раз был величественный, и чувство радости сверкало уже в очах его. «Расскажи, друг мой, сказал он мне, что такое событие, о котором вести привез ты мне?» С этого времени фельдмаршал называл Сеславина не иначе, как «Александр Никитич» и, предоставив ему полную самостоятельность, не раз доверяет ответственные поручения. Как свидетельствует тот же Болговский, «вряд ли кто дотеле имел счастье оказать более блестящую услугу государству, как не он, Сеславин» [3, с. 438].

Не подлежит сомнению, что Давыдов был еще более яркой и разносторонней личностью, чем Сеславин. Давыдов был не только командиром одного из партизанских отрядов, но и инициатором систематической партизанской войны с захватчиками, план которой он предложил Кутузову. Он считал, что именно партизанское движение способно превратить «войсковую войну в народную». По свидетельству самого Давыдова, Кутузов позднее сказал ему: «Удачные опыты твои доказали мне пользу партизанской войны...» [4, с. 14].

Многие стихотворения Глинки испытали влияние фольклора, но обычно это влияние народной песни на произведения песенного жанра. Поэт сознательно имитировал это влияние, подбирая такие названия, как «Солдатская песнь», «Песнь сторожевого воина», «Песнь русского воина» и т.п. В одном из примечаний поэт сам признавал, что свои стихотворения на темы Отечественной войны 1812 года он «старался приспособить к любым песням народным» [40, с. 12]. Но стихотворение, о котором идет речь несет на себе

отпечаток другого фольклорного жанра – загадки. Как известно, авторы загадок, стремясь пробудить любопытство читателя, озадачить его, даже поставить в тупик, сознательно сводили в характеристике объекта противоположные черты или качества. Все это, – разумеется, в своеобразном преломлении – налицо в стихотворении Глинки:

Умом, пером остер он, как француз,
Но саблю французам страшен <...>

То невидимкой он, то рядом,
То, вынырнув опять, следом
Идет за шумными французскими полками
И ловит их, как рыб, без невода, руками.
Его постель – земля, а лес дремучий – дом! <...>
В мужицком армяке, хотя душой не раб,
Как вихорь, как пожар, на пушки, на обозы,
И в ночь, как домовой, тревожит вражий стан.
Но милым он дарит, в своих куплетах, розы.

И лишь в последней строке звучит разгадка, ответ на вопрос заинтригованного читателя или слушателя: «Давыдов! Это ты, поэт и партизан!» [2, с. 134].

Если в стихотворении «Партизан Давыдов» его фольклорный генезис устанавливается по содержанию и стилю, то в третий раз обращаясь к созданию образа вожака партизанского отряда, на этот раз Фигнера, поэт сам добавил подзаголовок – «Опыт народной поэзии». И в его тексте фигурируют «сказочный Иван-царевич», «Бова, Додонский королевич». Из всех стихотворений, написанных Глинкой во время Отечественной войны или в годы, последовавшие за ее завершением, это самое объемное и не случайно поэт разделил его на восемь пронумерованных главок. Оно называется «Смерть Фигнера», но в действительности в нем описана собственно не смерть прославленного партизана, и если бы Глинка назвал его «Жизнь Фигнера, то такое заглавие, пожалуй, больше бы соответствовало содержанию.

Жизнь Фигнера была так насыщена значимыми и впечатляющими событиями, что их с лихвой хватило бы на авантюрно-исторический роман. Глинка упоминает о них вскользь, по-видимому, рассчитывая на читателя, настолько знакомого с фактами, что они сами вставали в его памяти. Но нам для полноценного понимания его произведения необходимо вскрыть, что стоит за этими глухими и немногословными упоминаниями. В 1810-1811 гг. молодой офицер, прикомандированный к экспедиции русского флота в Средиземном море, участвовал в русско-турецкой войне и отличился при взятии 22 июня 1811 г. турецкой крепости Руцук на Дунае.

Через год с небольшим, после занятия французами Москвы Фигнер, обманув бдительность неприятеля, с разведывательными целями проник в город. Свободно владея несколькими европейскими языками, безошибочно подбирая

подходящую для каждой ситуации одежду, обладая незаурядным обаянием, он умел располагать к себе людей и, завоевывая их симпатии, добывал ценнейшие сведения, которые немедленно пересылал в штаб Кутузова. Позднее, сумев войти в доверие к французскому генералу Ж. Раппу, получил от него депеши, которые взялся доставить Наполеону, но вместо этого отвез их в русский штаб. Глинка писал об этом так:

О, Фигнер был великий воин,
И непрстой... он был колдун!..

При нем француз был вечно беспокоен...

Как невидимка, как летун,
Везде неузнанный лазутчик,
То вдруг французам он попутчик,
То гость у них; как немец, как поляк;

Он едет вечером к французам на бивак

И карты козыряет с ними

Но усталых в пиру еще обдержит сон,

А он, тишком, с своей командой зоркой,

Прокравшись из леса под горкой,

Как тут!.. [2, с. 134-135].

В то время, когда значительная русская территория была захвачена французами, на ней действовало много партизанских отрядов. Но Фигнер сделал, то, чего не сумел сделать никто другой. Уже после перехода театра военных действий на территорию Германии он и там организовал из немцев, испанцев, итальянцев, казаков партизанский отряд, т.н. «легион мести», который успешно действовал в тылу наполеоновской армии. 1 октября 1813 г. этот отряд был окружен близ города Десау, Фигнер пытался переплыть Эльбу, но утонул. Смерть Фигнера Глинка не описывает, хотя именно она дала название его стихотворению. И все это обилие драматических действий и героических поступков уложилось в поразительно короткий отрезок времени: ведь Фигнер прожил всего 26 лет.

Два стихотворения Глинка посвятил легендарному атаману Платову (поэт называет его «Платóв»). Беззаветное мужество, энергия, умелое руководство казачьими полками, проявленные и на Бородинском поле и при изгнании французов из России снискали ему большой авторитет и популярность. Первое из этих стихотворений, написанное, согласно авторской помете, «в Шлезии 1813 года», имеет длинное название «Приветствие тихому Дону старого казака Грома Булатова, возвратившегося в станицу отцов своих после побед, одержанных на святой Руси в славной Отечественной войне 1812 года».

«Старый козак», выступающий в роли повествователя, патриот родного края, не мыслящий своей жизни «в других странах», ибо «рай донцов на сих берегах».

Но когда в Россию пришла беда: «гром и бури вокруг Москвы, / Все в пожарах, все уныло!» – раздался призыв Платова:

«Где же, дети Дона, вы?

Что в полях вас, русских, мало,
 Бремя лет, седин и ран
 Вашу храбрость оковало?..» –
 Так гласил наш атаман

Все сюда! Россия страждет...
 Всполохнулся тихий Дон,
 Всякий воин биться жаждет
 За царя, за свой закон!» [5, с. 27].

Все дивились казацкой храбрости и больше всего Платову, который вел их в бой, и вихрем за врагом;
 Вождь, отец с умением новым
 Всюду смерть бросал и гром!

Но если он «громы мечет на войне», то «на Дону покой вселяет» [43, с. 27]. Вскоре после войны Платов, получивший к тому времени графский титул, сопровождал Александра I во время его поездки в Англию, где общался с представителями аристократических кругов, включая и царствующих особ, и вызвал у них восхищение. Сведения об этом, дошедшие до Глинки, отразились в следующей строфе его стихотворения:

С королями и царями
 Стал знаком наш вождь Платов;
 Через него и за морями
 Славят имя козаков! [5, с. 38]

Прошло пять с небольшим лет после создания этого стихотворения, и прославленный атаман ушел из жизни. 3 января 1819 г. Глинка присутствовал на его панихиде, на которой огласил свой «Тост в память донского героя», где вновь прославлял героизм Платова:

Он храбро с донцами в кровавую сечу –
 И громы и гибель враждебным полкам!..
 И весело в битве к победе навстречу
 Скакал по гремящим полям [2, с. 132]

Поэт завершал стихотворение словами, которые затем повторял «общий голос: «Бессмертье Платову / И честь знаменитым донцам!» [2, с. 133].

Нельзя обойти вниманием и то, что не кто иной, а именно Платов способствовал формированию в сознании Глинки его понимания самой природы песни. В послесловии к сборнику «Подарок русскому солдату», где

многие из песен, посвященных Отечественной войне, были опубликованы впервые, он писал: «Русский солдат любит петь! И радость и горе изливает он в песнях веселых или жалобных. “На Дону – песня – история“, – так сказал мне однажды знаменитый вождь донской, покойный граф М.И.Платов. И у нас в старину военные песни заключали в себе весьма любопытные предания исторические. Впрочем, сильное влияние песен на дух войска и народа везде и повсюду неоспоримо» [5, с. 388-389].

Большинство стихотворений Глинки о событиях 1812 года писались по свежим следам вызвавших их событий, но в печати появлялись позднее, через несколько лет после Отечественной войны. Особняком в этом ряду стоит произведение, озаглавленное «1812-й год» и имеющее два подзаголовка: «Отрывок из рассказа» и «Посвящено людям XII-го года». Оно появилось в журнале «Галатей» в 1839 г. и, очевидно, около этого времени и написано. Почему автор решил назвать свое стихотворение «отрывком», можно судить лишь предположительно. Может быть, это действительно отрывок из написанного или задуманного Глинкой более обширного произведения. Но возможно и другое: здесь имела место некая «формула скромности»: поэт давал понять, что здесь сказано лишь немного из того, что следовало бы сказать о делах и людях 1812 года.

По-видимому, написать «1812 год», напомнить современникам, рассказать молодому поколению, а также жителям отдаленных частей страны об отошедшей уже в относительно далекое прошлое героической полосе в истории России. Прежде всего, он стремится передать сам огромный масштаб событий: то, что борьба шла «с исполином», что страна «бешено сражалась»,

От Запада к нам буря мчалась;
 Великий вождь *Наполеон*
 К нам двадцать вел с собой народов.
 В минувшем нет таких походов;
 Восстал от моря к морю стон
 От топа конных, пеших строев;
 Их длинная, густая рать
 Всю Русь хотела затоптать... [2, с. 426].

Но эта грозная сила встретила достойный отпор: «страна героев / Высоко подняла чело». Второе, что настойчиво акцентирует автор, – то, что война с Наполеоном – это была война **народная**. Когда он рассказывает, что

старик отец вел распри с сыном:
 Кому скорей на славу месть
 Идти? – И, жребьем недовольны,
 Хватая пику и топор,
 Бежали оба в полк напольный;

Или в борах, в тущобах гор
С прищельцем бешено сражались [2, с. 426].

Понятно, что описанные в этих строках картины могли происходить в крестьянских избах, а не в аристократических салонах, что дворяне, которые, конечно, тоже участвовали в войне с Наполеоном, пику и топор не хватало и не их называет поэт «толпами воинов брадатых». Между тем Глинка ниже еще раз называет эти предметы, вдобавок приковывая к ним дополнительное внимание курсивом:

Везде врагу лихой отпор;
Коса, дреколье и топор
Громили чуждые дружины [2, с. 427]

В повествовании Глинки нет слова «партизан», но многие детали очевидно свидетельствуют о том, что он рисует картины именно партизанской войны: «*Кулак, топор и борода / Пошли следить их по порошам*» «Над кем наш Геркулес брадатый / Свиреп, могуч, лукав и дик – / Стоит с увесистой дубиной?». Не предваряет ли этот образ «дубину народной войны» от которой, по известным словам Льва Толстого, «погибло все наше шествие»?

Как бы возвращая нас к началу стихотворения, где речь шла о том, как велика была опасность, грозившая России, сколь неодолимой казалась сила обрушившегося на него недруга: великий Наполеон, который вел за собой двадцать народов, Глинка завершает стихотворение картиной того, чем завершилось это нападение:

И галл, и *двадцать* племен,
От взорванных кремлевских стен
Отхлынув бурною рекою,
Помчались *по своим следам!*..
И, с оснеженной головою,
Кутузов вел нас по снегам;
И всё опять по *Неман*, с бою,
Он взял – и сдал Россию нам
Прославленной, неразделенной [2, с. 429]

В обширной поэтической летописи 1812 года «отрывку из рассказа» Глинки принадлежит особое место, и определяется оно в первую очередь эпическим характером этого произведения, определившим его тональность и отбор художественных средств. Это был рассказ свидетеля и активного участника изображенных в стихотворении событий, что придавало ему достоверность и убедительность. В нем нашли себе место не только факты

истории, но и их осмысление, и выражение ими вызванных чувств, не охладевших за истекшие с тех пор четверть века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М.: Воениздат, 1987.
2. Глинка Ф.Н. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957.
3. Герои 1812 года. Сборник (Жизнь замечательных людей) М.: Молодая гвардия, 1987.
4. Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1940.
5. Глинка Ф.Н. Избранное. Петрозаводск: Гос. изд. Карело-Финской ССР, 1949.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются стихи Ф.Н.Глинки, посвященные Отечественной войне 1812 года. В большом ряду русских поэтов, писавших на эту тему, Глинке принадлежит особое место не только потому, что он превосходил всех других в количественном отношении, но и потому, что он сам был участником событий, описанных в его стихах, и отразил их не только в поэзии, а и в мемуарах. Глинка глубже, чем кто-либо осознавал природу Отечественной войны, как войны народной. Отсюда обилие в ней образов людей из народа, и стихов, написанных от их имени, а также неизменная опора автора на фольклор.

Ключевые слова: Отечественная война, поэт, поэзия, стихи, народ, фольклор.

АНОТАЦІЯ

У статті аналізуються вірші Ф. М. Глінки, присвячені Вітчизняній війні 1812 року. У великому ряду російських поетів, які писали на цю тему, Глінці належить особливе місце не тільки тому, що він перевершував всіх інших у кількісному відношенні, але й тому, що він сам був учасником подій, описаних у його віршах, і відбив їх не тільки в поезії, а й у мемуарах. Глінка глибше, ніж будь-хто усвідомлював природу Вітчизняної війни, як війни народною. Звідси безліч у ній образів людей з народу, і віршів, написаних від їх імені, а також незмінна опора автора на фольклор.

Ключові слова: Вітчизняна війна, поет, поезія, вірші, народ, фольклор.

ANNOTATION

The verses of F.N.Glinka devoted to Patriotic War of 1812 year are analysed in the article. In the large row of the Russian poets writing on this theme, the special place belongs to Glinka not only because he excelled all other at a quantitative relation but also because he was the participant of the events described in his verses, and reflected them not only in a poetry, but in memoirs. Glinka deeper, than some others realized nature of Patriotic War, as folk War. From here abundance of folk characters in it and verses, written from their name, and also unchanging support of author on folklore.